
ДМИТРИЙ РУДИКОВ
21:15

Дмитрий Рудиков
21:15

https://litres.ru/74940702
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать шесть лет. Съемная квартира. Бесконечные ряды цифр в бухгалтерских таблицах. Жизнь Андрея — это идеально откалиброванный механизм, зацикленный между вибрацией будильника в 6:45 и вечерним звонком матери ровно в 21:15. В этом сером мире нет места случайностям, пока однажды ноябрьским утром этот механизм не дает сбой.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Дмитрий Рудиков
21:15

Глава 1

Будильник не звонил — он вибрировал на полированной поверхности тумбочки, издавая глухой, сухой треск, похожий на возню крупного жука в спичечном коробке. Звук этот начинался каждый день ровно в шесть сорок пять утра, но Андрей просыпался за две минуты до него. Всегда. Тело обладало собственным, тупым и безошибочным механизмом отсчета, не требовавшим шестеренок: тяжелели веки, в затылке собиралась знакомая свинцовая плотность, и серый утренний полумрак за пыльным тюлем начинал казаться чуть более осязаемым.

Андрей нажал пальцем на экран старого смартфона с паутиной трещин в верхнем углу, прекращая вибрацию, и остался лежать, глядя в потолок.

Потолок был побелен еще при прежних хозяевах съемной однокомнатной квартиры на окраине. Вдоль стыка двух бетонных плит тянулась тонкая извилистая трещина, напоминавшая русло пересохшей реки на географической карте. За три года Андрей изучил каждый ее изгиб. Вот здесь река раздваивалась, образуя безымянный остров размером с ко-

печную монету, а чуть дальше упиралась в круглый след от люстры, которую когда-то давно сняли, оставив лишь закопченный крюк и два торчащих медных усика проводки.

Шесть сорок семь. Пора.

Он сел на краю дивана. Скрип пружин прозвучал в пустой комнате неожиданно отчетливо и тут же растворился в шершавом гуле просыпающегося за окном шоссе. Ноги нащупали холодный линолеум, вытертый на проходе почти до тканевой основы. Все движения были выверены с точностью заводского станка, которому не требуется мысль, чтобы повернуть рычаг: четыре шага до узкого коридора, два шага направо — совмещенный санузел.

Зеркало над раковиной было мутноватым, со следами въевшегося известкового налета по краям. Из его мутной глубины на Андрея смотрел человек двадцати шести лет с лицом, которое трудно было запомнить с первого раза: прямые темные волосы, еще примятые подушкой, невыразительные серые глаза с красными ниточками лопнувших сосудов от долгого сидения перед монитором, сухие губы. Лицо человека, который слишком много времени проводит при искусственном освещении и слишком мало дышит воздухом, в котором нет примеси выхлопных газов и офисной пыли.

Вода из крана шла с глухим рычанием в трубах. Сначала ржавая, теплая, с резким запахом хлора, затем — ледяная. Андрей зачерпнул пригоршню, плеснул в лицо, чувствуя, как кожа сжимается от холода.

Затем был чайник — электрический, из дешевого белого пластика, с пожелтевшей шкалой уровня воды. Он закипал долго, надрывно сипя, выбрасывая в полутемную кухню струи пара, оседавшие конденсатом на холодном оконном стекле. На завтрак — два куска подсохшего батона с плавленым сыром из пластиковой ванночки и растворимый кофе без сахара. Вкус был привычным, нейтральным, почти незаметным, как воздух, которым дышишь и не замечаешь его состава.

На подоконнике лежала вчерашняя бесплатная газета, которую Андрей машинально вытащил из почтового ящика вместе с квитанцией за коммунальные услуги.

Андрей бросил взгляд на заголовок в газете: «Городские службы завершают подготовку теплосетей к зиме». Ниже шла фотография разрытой траншеи и двух рабочих в оранжевых жилетах, опирающихся на лопаты. Лица рабочих на газетном снимке были размыты типографской краской, превращены в темные зернистые пятна.

В семь двадцать Андрей надел куртку — темно-синюю, купленную на распродаже три сезона назад, — завязал шнурки на потертых ботинках и повернул ключ в замке входной двери. Два оборота. Проверить ручку. Нажать вниз. Закрыто.

Подъезд встретил его запахом сырого подвала, застарелого табачного дыма и жареного лука, доносившимся из квартиры на втором этаже. Лифт вызывать не имело смысла:

кабина скрипела так протяжно, что спуститься пешком по лестнице оказывалось и быстрее, и спокойнее. На площадках между этажами тускло светили энергосберегающие спиральные лампы, гудевшие на низкой, едва уловимой ноте.

На улице было зябко. Ноябрьское утро еще не набрало света; небо над высотками спального района висело низким, тяжелым серым полотном, пропитанным моросью. Воздух был неподвижен и сыр. До остановки автобуса нужно было идти ровно двести шагов по асфальтовой дорожке, огибающей бесконечные панельные девятиэтажки с темными прямоугольниками окон, в которых лишь изредка теплился желтый кухонный свет.

Остановка «Улица Строителей» уже была заполнена людьми. Они стояли молча, втянув головы в воротники, похожие на стаю нахохлившихся птиц на проводах. Никто не смотрел друг на друга. Все взгляды были устремлены вдоль мокрой ленты дороги — туда, откуда из-за поворота должен был вынырнуть тяжелый силуэт сорок третьего автобуса.

Андрей встал с краю, засунув руки глубоко в карманы куртки. Пальцы нащупали в правом кармане мелочь и бумажный чек из супермаркета, забытый с позапрошлого вечера. Он начал перебирать монеты подушечками пальцев: ребристый край двухрублевой, гладкий кругляк пяти рублей, мелкая насечка десятки. Это движение успокаивало, отгораживало от сырости и тяжелого запаха мокрой шерсти, исходившего от стоящей рядом женщины в объемном пальто.

Автобус подошел с тяжелым шипением пневматических тормозов. Двери распахнулись, выпустив наружу клубы теплого, спертого воздуха, и толпа плотно, без единого слова, вжалась в салон.

Андрею повезло: его внесло в середину накопительной площадки, и он сумел протиснуться к окну, ухватившись за холодный вертикальный поручень. Металл поручня был отполирован тысячами ладоней до тусклого блеска. Автобус дернулся, тяжело перевалил через дорожный шов и влился в бесконечный поток машин, ползущих в сторону центра.

Стекло автобуса было мутным, покрытым сеткой высохших капель и мелкими царапинами. Андрей прислонился лбом к оконной стойке. Вибрация дизельного двигателя передавалась через кости черепа прямо в мозг — монотонный, глухой рокот, от которого мысли становились вязкими и медленными.

За окном разворачивался один и тот же маршрут, виденный им сотни, если не тысячи раз.

Сначала — спальный пояс. Одинаковые серые фасады с застекленными разномастными балконами, на которых хранились старые лыжи, пустые банки и свернутые ковры. Мимо проплывали вывески: «Аптека 24», «Продукты», «Ремонт обуви», «Ломбард». Все они сливались в непрерывную, тускло мерцающую ленту. Затем дорога делала плавный изгиб и выходила на мост через замерзающую, свинцовую реку. На мосту поток неизменно замирал в плотной утренней

пробке.

Стоя в этой неподвижности, глядя на тяжелую воду внизу, Андрей всегда задавал себе один и тот же вопрос. Он не звучал как панический крик, в нем не было трагизма — это было просто сухое, почти механическое любопытство, словно он читал этикетку на банке с консервами.

«Для чего всё это?»

Вот этот автобус. Сорок человек в салоне, прижатых друг к другу плечами и мокрыми рукавами курток. Мужчина средних лет в вязаной шапке, тяжело дышащий через нос. Девушка с наушниками в ушах, бессмысленно пролистывающая ленту коротких видеороликов, на которых яркие фигурки кривлялись и исчезали за долю секунды. Пожилая женщина с сумкой на колесиках. Все они куда-то ехали. Все они выйдут через двадцать, тридцать, сорок минут, разойдутся по кабинетам, цехам, кассам магазинов, просидят там девять часов, обмениваясь фразами о погоде и ценах на сливочное масло, а вечером снова набьются в этот же автобус и поедут обратно. Чтобы сварить пельмени, посмотреть телевизор, лечь спать и в шесть сорок пять проснуться от вибрации телефона.

«Каково мое место здесь? Если я сейчас просто не выйду на своей остановке, а останусь стоять до самого парка на конечной, что изменится? Мир треснет? Нет. Кто-то заполнит таблицы вместо меня. Кто-то другой нажмет кнопку печати. Таблицы будут напечатаны, счета будут

оплачены, автобус продолжит ходить по кольцевой».

Эта мысль не вызывала боли. Она вызывала странное, ледяное онемение где-то под ребрами, похожее на действие слабой местной анестезии у стоматолога, когда ты чувствуешь прикосновение инструментов, но боли нет — только давление и неприятный холодок.

В восемь пятнадцать автобус затормозил у станции метро «Проспект Мира». Андрей выбрался наружу вместе с основной массой пассажиров, вдохнул влажный воздух и пошел к серому монолитному зданию бизнес-центра «Горизонт».

Бизнес-центр был построен в начале двухтысячных: синее зеркальное стекло, серый керамогранит на цоколе, вертящиеся стеклянные двери. На турникетах сидел охранник в черной форме с нашивкой «Безопасность» и тупым взглядом смотрел в монитор с камер видеонаблюдения. Андрей приложил пластиковый пропуск к считывателю. Турникет тихо щелкнул, разрешая вход.

Офис компании «ТЛК-Контур» занимал четвертый этаж. Это был классический «опенспейс», разделенный тонкими пластиковыми перегородками мышиного цвета на десятки мелких сот. В воздухе стоял неизменный запах озона от десятков работающих лазерных принтеров, разогретого пластика системных блоков и дешевого молотого кофе из кофеварки на офисной кухне.

Рабочее место Андрея находилось в самом углу, возле противопожарного шкафа. Стол из ламинированного ДСП

со сколотым краем, вращающееся кресло с протертой тканью на подлокотниках, монитор, клавиатура с засаленными клавишами пробела и ввода.

— Здорово, Андрюха, — раздалось из соседней ячейки.

Из-за перегородки показалось круглое, гладко выбритое лицо Игоря. Игорю было двадцать восемь, он работал здесь старшим специалистом по учету товарных накладных и считался душой коллектива, потому что знал все свежие интернет-мемы и имел привычку пересказывать их вслух с громким, захлебывающимся смехом.

— Привет, — ответил Андрей, снимая куртку и вешая ее на спинку кресла.

— Видал вчера ролик, где мужик на самокате в витрину с арбузами въехал? — Игорь уже придвинул свой стул ближе, держа в руке телефон. — Ща покажу, я чуть не сдох со смеху. Чисто я в понедельник утром! Гляди!

Он сунул экран прямо под нос Андрею. На экране человек в дурацкой шапке не справился с управлением, нелепо взмахнул руками и с грохотом обрушился в деревянный ящик, откуда во все стороны брызнула красная жижа. Звуковая дорожка была наложена поверх — чей-то неестественный, ускоренный смех из ситкома.

Игорь заржал, хлопнув себя по колену: — А? Каково? Чисто мясо! Я вчера Светке скинул, она до слез угарала.

Андрей выдавил подобие улыбки — ровно столько, сколько требовалось офисным этикетом, чтобы не прослыть пси-

хопатом или занудой.

— Да, забавно.

— Забавно? Да это шедевр вообще! Ладно, шеф сегодня злой, с планерки пришел, орал, что отчеты по третьему кварталу зависли. Ты сверку по южному филиалу добил?

— Добиваю. Сегодня скину.

— Давай, а то он нам всем премии срежет, а мне за тачку кредит платить. Я, кстати, резину зимнюю вчера взял со скидкой, прикинь, пятнадцать процентов урвал по промокоду…

Игорь продолжал говорить. Его речь лилась ровным, непрерывным потоком, состоящим из цен, скидок, обсуждения вчерашнего сериала, жалоб на то, что в столовой подорожал комплексный обед, и пересказа роликов из социальных сетей. Андрей слушал вполуха, глядя на экран своего компьютера. Операционная система загружалась медленно, показывая крутящийся синий кружок.

Слова Игоря не задевали сознания. Они пролетали мимо, как сухие листья, гонимые ветром по тротуару. Андрей подумал о том, что если бы Игорь сейчас замолчал и прислушался к звукам вокруг, он бы, наверное, сошел с ума от ужаса. Потому что за шумом принтеров, за стуком клавиш и бесконечными разговорами о кредитах и арбузах не было абсолютно ничего. Звенящая, холодная пустота.

День покатился по накатанной колее.

Ввод данных: номер накладной, дата отгрузки, номенкла-

тура, количество мест, масса нетто, масса брутто, код поставщика. Enter. Следующая строка. Номер накладной, дата отгрузки…

В двенадцать тридцать — обед. Столовая на первом этаже. Подносы из коричневого пластика, влажные от небрежного мытья. Суп-харчо с плавающими кружками оранжевого жира, гречка с сухой куриной котлетой, компот из сухофруктов в граненом стакане. За столом — коллеги: Игорь, бухгалтерша Марина Николаевна и юрист Дима.

— Нет, вы представляете, она ему говорит: «Я не поеду к твоей маме на дачу, там интернета нет!» — возмущалась Марина Николаевна, отправляя в рот кусок котлеты. — Молодежь нынче вообще обнаглела. Вот мы в их годы…

— Да ладно вам, Марина Николаевна, — лениво вставлял Дима, разглядывая экран своего смартфона. — Кому сейчас эта дача нужна? Картошку копать? Проще в супермаркете мешок купить. Время дороже.

— Какое время, Димочка? На что ты его тратишь, время свое? В телефоне сидеть?

Андрей молча жевал безвкусную котлету. Он смотрел в окно столовой. Окно выходило на глухую кирпичную стену соседнего склада. На кирпичах темнели влажные подтеки от водосточной трубы. Вода стекала медленно, собираясь в мутную лужу у фундамента. Капля, еще капля, еще.

После обеда время стало густым, как патока. Минуты на электронных часах в правом нижнем углу монитора пере-

ключались с мучительной неторопливостью. Андрей механически щелкал мышью. Его спина затекла, в плечах появилась ноющая тяжесть.

В семнадцать сорок пять офис начал оживать перед окончанием смены. Люди засуетились, начали закрывать программы, прятать кружки в тумбочки, переодевать сменную обувь.

— Андрюх, по пиву сегодня? — заглянул через перегородку Игорь. — Пятница почти, четверг — это маленькая пятница. В бар на углу заглянем, там акция на крафтовое.

— Нет, спасибо, Игорёк. Устал сегодня. Домой поеду.

— Ну, как знаешь. Скучно живешь, братуха. Нельзя всё время дома сычевать, молодость пройдет — не заметишь.

«Она уже прошла», — подумал Андрей, но вслух ничего не сказал, лишь коротко кивнул.

В восемнадцать ноль две он вышел из здания бизнес-центра. На улице окончательно стемнело. Зажглись фонари, отбрасывая на мокрый асфальт желтые маслянистые пятна. Вечерний автобус был еще более переполнен, чем утренний. В салоне пахло влажной одеждой, дешевым парфюмом и усталостью — тяжелой, липкой усталостью сотен людей, отдавших свой день за право заплатить по счетам в конце месяца.

Андрей снова стоял у окна. На этот раз он не смотрел наружу — там была лишь тьма, разорванная красными стоп-сигналами автомобилей. Он закрыл глаза и слушал вибрацию пола под ногами.

Домой он вернулся в девятнадцать сорок.

По дороге зашел в круглосуточный универсам у дома: купил буханку черного хлеба, пачку творога со скидкой и бутылку минеральной воды. Кассирша с усталым, отекшим лицом пробила товары, даже не взглянув на него: «Пакет нужен? Карта магазина есть? Оплата картой? Прикладывайте». Ритуал, не требующий присутствия человеческой души.

Квартира встретила его темнотой и тишиной. Воздух в ней за день застоялся, пах пылью и старыми обоями. Андрей разулся, не зажигая в прихожей верхнего света, прошел на кухню, нажал кнопку чайника.

Ужин занял ровно десять минут. Творог был кисловатым, но Андрею было всё равно. Он помыл тарелку и ложку, поставил их на металлическую сушилку, где они заняли свое постоянное место рядом с единственной кружкой.

Затем он прошел в комнату, включил телевизор, просто чтобы нарушить давящую тишину, и убавил звук почти до минимума. На экране дикторы новостей с идеальными прическами и уверенными голосами рассказывали о курсах валют, международной обстановке и строительстве нового моста на Дальнем Востоке. Лица сменялись графиками, графики — кадрами с официальных встреч. Андрей лег на диван на спину, положив руки под голову.

Взгляд снова уперся в потолок. В трещину. Остров. Крюк для люстры.

На настенных кварцевых часах, купленных когда-то в пе-

реходе за триста рублей, секундная стрелка с сухим щелчком отмеряла время: тик... тик... тик...

Двадцать один ноль пять. Двадцать один десять. Двадцать один четырнадцать.

Андрей перевел взгляд на экран смартфона, лежащего рядом на диване. Он знал, что произойдет дальше. Секунда в секунду.

В двадцать один пятнадцать экран вспыхнул мягким белым светом. Заиграла стандартная мелодия вызова — простая, незамысловатая трель. На дисплее высветилось: «Мама».

Андрей выждал два гудка. Не потому, что не хотел отвечать, а потому, что это тоже было частью негласного протокола. Если снять трубку мгновенно — она встревожится: «Ты что, сидишь и ждешь у телефона? Что-то случилось?» Если пропустить пять гудков — встревожится еще сильнее: «Ты где? Почему не берешь?» Два гудка — идеальная мера обыденности.

Он провел пальцем по экрану и поднес трубку к уху.

— Да, мам. Привет.

— Андрюша! Здравствуй, сынок, — голос матери звучал немного приглушенно, словно она говорила из очень далекой, глубокой комнаты, сквозь толщу ваты. Но интонации были до боли знакомыми, теми самыми, с которыми она обращалась к нему всю жизнь. — Не разбудила?

— Нет, мам, я не сплю. Телевизор смотрю.

— Как ты там? Как здоровье? Не простудился? У нас по телевизору передавали, что в городе эпидемия гриппа начинается, сырость такая… Ты шапку носишь?

— Ношу, мам. Всё нормально. Здоров.

— А на работе как? Начальник не придирается? Устаешь сильно?

Андрей смотрел на трещину на потолке. В горле встал привычный комок — смесь глухой нежности, чувства вины и бесконечной тоски от невозможности сказать то, что на самом деле происходит внутри. Да и что сказать? «Мама, я не живу, я просто передвигаю тело в пространстве между кроватью и офисным стулом»? Зачем тревожить ее больное сердце?

— Нормально на работе, мам. Всё по-прежнему. Отчеты сдаем, текучка. Ничего нового.

— Ну и слава богу, стабильность — это хорошо сейчас, время-то какое неспокойное… — вздохнула мать в трубку. Андрей почти физически видел, как она сидит на своей кухне в райцентре за сто сорок километров отсюда, укутавшись в старую вязаную кофту, с чашкой ромашкового чая перед собой. — А дома как? Кушаешь хорошо? Не одними бутербродами питаешься? Суп варил?

— Варил, мам. Щи варил позавчера. На пару дней хватит.

Это была неправда, но эта неправда была необходима, как смазка между трущимися деталями механизма, чтобы он не заклинил и не разлетелся на куски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.